

тября Сталин написал Черчиллю: «Наше положение в районе Сталинграда изменилось к худшему». Через месяц, 8 ноября, он сообщил британскому премьеру: «Положение на нашем кавказском фронте несколько ухудшилось по сравнению с положением в октябре. Немцам удалось захватить гор. Нальчик и подойти к Владикавказу, где идут большие бои. Наша слабость здесь в недостатке истребительной авиации»⁴⁸. В переписке Сталина с Черчиллем и Рузвельтом вновь, как и осенью 1941 г., появились тревожные нотки, связанные с возможностью поражения в войне, если не будет оказана срочная помощь. Тем не менее англичане в это время сокращали отправку кораблей в СССР по северному маршруту. В октябре-декабре 1942 г. в Архангельск и Мурманск было направлено 13 судов, из которых 5 прибыли на место, 4 — были потоплены, остальные — возвращены⁴⁹.

В этих условиях Сталин продолжал личную переписку с Майским с целью дополнительного воздействия на британские правительственные круги. Советский лидер фактически потерял доверие к словам Черчилля. 19 октября 1942 г. Сталин телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией... за счет нашей страны»⁵⁰. Майский, понимая, что Сталин преувеличивал антисоветизм британской внешней политики, постарался в предельно осторожной форме разъяснить реальное отношение британского правительства к целям и перспективам войны с Германией. В телеграмме от 23 октября он, фактически опровергая утверждение Сталина, подчеркивал: «Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи... Сознательно Черчилль не держит курс на поражение СССР». Заключил свою телеграмму Майский словами: «Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и к сделке с Германией. Но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье и не пользуются большим влиянием»⁵¹.

В своей следующей телеграмме от 24 октября Майский писал Сталину о желательной стратегии СССР в войне, о взаимодействии с союзниками, о возможности проведения совместной операции в Северной Норвегии⁵². Ответ Сталина на предложения посла, отправленный 28 октября, был нехарактерно для него многословным. Сталин писал: «Ваши соображения получил, я нашел в них много интересного и поучительного». И далее, касаясь вопроса о «злокозненности» англичан, Сталин подчеркивал: «... Я все же думаю, что будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддается влиянию тех, кто держит курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией. Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы... они обречены на гибель. Но когда они поймут это?...»⁵³

Майский не был согласен с такой оценкой состояния советско-английских отношений и попытался в своей телеграмме на имя Сталина от 31 октября 1942 г. предложить ряд мер по их улучшению. Но ответа на эти предложения не последовало. На этом завершилась переписка Сталина с послом в Лондоне. Но интенсивный обмен мнениями с Черчиллем продолжался, и Майский оставался в нем важным передаточным звеном.